

КРЫМСКОЕ ХАНСТВО И ЕГО НАСЕЛЕНИЕ ГЛАЗАМИ ИНОСТРАНЦЕВ, ПОСЕТИВШИХ МОСКОВСКОЕ ЦАРСТВО В КОНЦЕ XVI – НАЧАЛЕ XVII ВВ.

Шалак М. Е.

*Институт истории и международных отношений Южного федерального университета,
Ростов-на-Дону, Российская Федерация
E-mail:shalak@sfedu.ru*

Проводится анализ публицистических источников иностранного происхождения, содержащих сведения о Крымском ханстве и его населении. Это произведения западноевропейских дипломатов, путешественников, авантюристов, побывавших в Московском государстве накануне либо во время Смуты начала XVII в. Образ крымских татар, который выстраивался на основе их суждений и оценок, порой не имел ничего общего с реальным состоянием народа. Однако на основе этого образа складывалось общее представление о Крымском ханстве и его населении в европейском общественном сознании раннего Нового времени. Поэтому изучение этого образа, сопоставление его с аналогичными сведениями из других синхронных источников, представляется достаточно перспективной проблемой.

Ключевые слова: Крымское ханство, западноевропейские публицисты, Смутное время, нарративные источники.

Известия иностранцев, посетивших Русское государство в XVI – XVII вв., продолжают привлекать исследователей своими оценками и трактовками событий отечественной истории, зачастую сильно расходящимися с аналогичными данными, содержащимися в русских источниках. Еще В. О. Ключевский обратил внимание на то, что иностранные известия могут быть важным материалом для изучения прошедшей жизни народа [1, с. 7]. Будничная жизнь, повседневность, на которые не обращали внимание русские современники, останавливали на себе внимание чужестранца. В этом плане интересно проанализировать данные о Крымском ханстве, которые мы находим в произведениях таких иностранцев, побывавших в России в обозначенный период, как Джайлс Флетчер, Жак Маржарет, Исаак Масса и др. [2, 3, 5].

Примечательно, что сами они никогда в Крымском ханстве не были и получали данные о жизни, нравах и обычаях крымских татар от русских информаторов или в процессе непосредственного знакомства с представителями татарских посольств в Москве. Малоознакомые как с русской, так и с татарской историей, чуждые и русским, и, тем более, татарам по понятиям и привычкам, иностранцы не могли дать верного объяснения многим явлениям татарской жизни, зачастую не могли даже беспристрастно оценить их. Но описать их, показать наиболее заметные черты, высказать непосредственное впечатление, произведенное на не привыкшего к ним человека, они могли лучше и полнее, нежели русские современники. В этой связи изучение сведений о Крымском ханстве, содержащихся в произведениях иностранцев о Московском царстве к. XVI – н. XVII вв., представляется актуальным для исследователя.

Начать анализ этих сведений нужно с исторической географии Крымского ханства. Иностранцы писали, что крымские татары жили на юге и юго-востоке от России. При этом Дж. Флетчер уточнял, что от Вологды до Москвы и далее, на юг, к границе Крыма, расстояние равнялось примерно 1700 верстам (около 1813 км., что

совершенно не верно и подтверждает весьма туманные представления Флетчера о географии России и сопредельных с ней стран – М. Ш.) [5, с. 486]. Северная граница Крымского ханства начиналась, по мнению иностранцев, у истока Оки и пролегла до Казани, которая, согласно их представлениям, была пограничным с Крымским ханством городом. Ещё одним ориентиром была река Дон, протекавшая через землю крымских татар. Есть у иностранцев также сведения, что город Царев-Борисов находился в 8 днях пути от Великой Ставки, места сбора татар перед набегом. Само Крымское ханство раскинулось в степях, просторы его огромны и изобилуют всякой дичью, в особенности оленями, ланями и косулями [2, с. 120]. Важным сведением является упоминание иностранцев о наличии в татарской степи дорог, которые имели названия, как то крымская дорога или дорога Великой Ставки [2, с. 147].

Буферной зоной между Россией и Крымским ханством иностранцы считали пространство вдоль Волги, между бывшими Казанским и Астраханским ханствами. Эти территории татары запрещали заселять русским по причине того, что сами вели кочевую жизнь [5, с. 485–486]. Домами им служили кибитки – вежи, которые иностранцы сравнивали с пастушескими хатами. Во время стоянки татары расставляли свои вежи так, что они походили на большой передвижной город. Что касается крымского хана, то, по свидетельствам иностранцев, он жил в Агоре, или деревянном городе, который перевозили за ним повсюду, потому как, по представлениям татар, жилье на одном месте неудобно и даже вредно для здоровья.

Перекочевки на новые места татары совершали каждый год весной. С южных территорий Крымского ханства они двигались на север до самой границы. Затем зимой возвращались обратно тем же путем, делая остановки через каждые десять – двенадцать миль. Как замечали иностранцы, степи от Каспийского моря до Русской границы очень плодородны, особенно на юге и юго-востоке, но лежали нетронутыми, так как татары не занимались земледелием [5, с. 557].

Интересны сообщения иностранцев о походах крымских татар на Русь, причем вместе с реальными походами упоминались и такие, о которых молчат русские источники. Так, И. Масса сообщал о набеге крымцев, в результате которого всё население Москвы вместе с царем Иваном Грозным вынужденно было бежать из столицы. Царь с семьей укрылся на Белоозере, где и утонул его первенец, царевич Дмитрий [3]. Голландец не датирует этот поход, но из русских документов известно, что погиб Дмитрий Иванович 4 июня 1553 г. Русские источники ни о каком походе на Москву в 1553 г. не упоминают. Все без исключения иностранцы писали о походе Девлет Гирея в 1571 г. Флетчер, посетивший Москву в 1588 г., ещё видел следы страшного пожара, в особенности на южной стороне города, которая даже спустя 17 лет оставалась незаселенной. Англичанин сообщил весьма интересную подробность о том, что, вернувшись из похода, крымский хан прислал Ивану Грозному нож, чтобы тот зарезал себя после такого поражения [5, с. 551].

Если по поводу военных походов крымских татар и связанных с ними подробностей известия иностранцев могут вызывать объективные сомнения, то описания ими крымских посольств в Москве можно признать наиболее достоверными. Так, иностранцы писали о больших неприятностях и даже ссорах из-за того, что во время официальных приемов татарские послы отказывались называть

московского государя царем и произносить весь его длинный титул [5, с. 501]. Упоминались иностранцами и богатые подарки, которыми русские цари одаривали крымских послов со всеми их людьми. Как писал Маржарет, члены посольства получали платья и шелковые ткани каждый согласно своему достоинству [2, с. 142].

Интересны описания приграничного сосуществования русских с крымцами. Так, иностранцы сообщали, что ежегодно русские выставляли на татарскую границу 65 000 человек, независимо от того, будет набег или нет. Здесь же нес службу отряд наемников из 100 человек, состоявший в основном из греков, турок, датчан, шведов и поляков, который употреблялся исключительно в войнах с татарами [5, с. 541; 2, с. 132]. В случае нападения татар русские применяли в борьбе с ними передвижную деревянную крепость, оснащенную артиллерией. При этом в войнах с крымцами пушки русские практически не применяли, в отличие, например, от войн с поляками. Набеги на Россию татары совершали каждый год, а иногда и дважды, проникая далеко вглубь её территории. Как правило, набег совершался около Троицы, но чаще во время жатвы. Когда в поход шел сам крымский хан, то он вел огромное войско в 100 000 или даже 200 000 человек (Цифры, весьма завышенные Флетчером. Как справедливо показал в своей статье В. В. Пенской, 40–60 тыс. человек – это тот верхний предел численности крымского войска, который мог быть достигнут только при максимальном напряжении всех сил ханства [4, с.59]). Если же это был рядовой набег, то участвовало в нем гораздо меньшее число воинов и охватывал он приграничные территории. Татары захватывали всё, что только могли увезти, особенно если не встречали организованного сопротивления. Часто дело ограничивалось только угоном гарнизонных лошадей. По этой причине русские в приграничных городах держали мало скота, за исключением свиней, которых татары не трогали [5, с. 554].

В целях обороны на границе с Крымским ханством было построено много городов, причем большинство из них было построено во время правления Бориса Годунова. Однако, по сообщению Ж. Маржарета, приграничная территория заселена русскими лишь до Ливен. Сообщали иностранцы и место обычной переправы татар через Оку – это район Серпухова [2, с. 126]. Каждую весну русские дозорные выжигали степь, чтобы татары не имели пастбищ. Интересное сообщение оставили иностранцы об обычае татар передвигаться исключительно по дорогам, считая, что идя по траве, лошади сильнее устают. Поэтому русские дозорные легко вычисляли их по поднятой на горизонте пыли [2, с. 148].

Упоминали иностранцы и казаков, что жили в татарских степях вдоль Волги, Дона, Днепра и других рек, и которые наносили крымцам гораздо больший урон, чем всё русское войско. Именно казаки, обычно в начале Великого поста, первыми приводили из степи пленных, от которых узнавали замыслы неприятеля. Они, по словам иностранцев, вооружались как татары, то есть не носили ни какого оборонительного доспеха, а пользовались исключительно одними саблями [2, с. 152, 169].

Много места иностранцы в своих записках уделяли военному ремеслу крымских татар и способам ведения ими войны. Практически все современники отмечали, что татары очень хорошо стреляли из лука. Профессиональный военный, Жак Маржарет,

подчеркивал, что, отступая, они стреляли гораздо точнее, чем при наступлении [2, с. 148]. Это мастерство у них развилось благодаря тому, что своим главным занятием татары считали стрельбу из лука, к которой приучали детей с малолетства, не давая им есть, пока те не попадут в намеченную цель. По сообщениям иностранцев, татары не использовали огнестрельного оружия и артиллерии, а все вооружение их состояло из сабли, похожей на турецкую, лука и колчана со стрелами. Некоторые из них имели ещё пики, больше походившие, по мнению иностранца, на охотничьи рогатины.

Простые татарские воины не носили доспехов, а одевались в одежды из черных бараньих шкур, которые днем надевали шерстью наружу, а ночью вовнутрь. Мурзы, напротив, в вооружении и одежде подражали туркам. Способ ведения войны у крымцев был следующим: войско разделялось на несколько отрядов, часть их отвлекала силы русских на одном или двух приграничных направлениях, в то время как основной удар наносился на оставшееся не защищенным место. Причем проделывали они этот маневр с такой быстротой, что противник не успевал вовремя среагировать. На войну все татары выезжали конными, будучи отличными наездниками. Как замечает Маржарет, кони у татар были очень хорошие [2, с. 127]. Флетчер писал, что при переправе через реку татары ставили вместе 3–4 лошади, к хвостам их привязывали длинные бревна, садились на них и так переправлялись. Масса же сообщал, что они связывали вместе за хвосты и поводья двух лошадей, а сами становились на них сверху [3].

В рукопашном бою крымские татары сражались лучше русских по причине их врожденной свирепости, а также потому, что не знали ни каких других занятий, кроме непрерывных войн, отчего становились ещё храбрее и кровожаднее, с точки зрения иностранцев. Несмотря на свой варварский, по европейским меркам, быт, они представлялись иностранцам хитрее, чем это можно было себе предположить. Как отмечали иностранцы, татары, делая постоянные набеги и грабя своих соседей, стали очень изобретательны на всякие военные хитрости. При осаде городов они всегда вступали в переговоры, предлагая противнику сдаться, но захватив город, своих обещаний не сдерживали. Татары не любили вступать в лобовое столкновение, предпочитая заманивать противника в засаду притворным отступлением после первой стычки. Если противник превосходил их численностью, тогда крымцы сажали на лошадей чучела, вводя врага в заблуждение.

В атаку татары шли с криком «Олла Билла», что Флетчер переводил как «Бог в помощь». Смерть они презирали и готовы были умереть, нежели сдаться. Иностранцы отмечали эту храбрость татар, доходящую до отчаяния, чем отличали их от русских и турецких воинов [5, с. 554]. Как считали иностранцы, сотня крымских татар всегда обратит в бегство двести русских воинов. Только заняв оборону на берегу реки или в лесу, русские могли больше напугать крымцев, чем нанести им реальный урон. По этой причине они никогда не несли больших потерь, если только им не перекрывали пути отхода через лес или реку, но это случалось не часто.

Главную добычу татар составляли пленные, в особенности дети, которых они продавали своим соседям. Захваченных детей они возили в больших корзинах, привязанных к седлу лошади. Если же кто-то из пленных заболел дорогой, то его жестоко убивали. Для охраны пленных выделялись специальные отряды. Татары не

брали с собой в поход никакой поклажи. Каждый воин имел несколько сменных лошадей, очень хорошо обученных, которых менял прямо на скаку, перепрыгивая с одной на другую. В походе татары питались сушеным мясом, очень мелко нарезанным. Если же погибала лошадь, то они, отрезав кусок, клали его под седло и ездили так до тех пор, пока мясо не становилось мягким, после чего употребляли его в пищу [3].

По свидетельствам иностранцев, русские государи пользовались услугами наемной татарской конницы, применяя её в войнах с поляками и шведами. Так Василий III, в качестве платы крымским наемникам за участие в походе на Литву, отдал им всех захваченных во время войны пленников [5, с. 547].

С точки зрения иностранцев, главным поводом к непрерывной вражде между крымцами и русскими выступали пограничные земли. Так, со слов иностранцев, татары утверждали, что, кроме Астрахани и Казани, вся территория от их границ на север и запад до Москвы, выключая и её саму, должна принадлежать им [5, с. 551–552]. Флетчер описал некий обряд, который якобы совершали русские государи в знак своей вассальной зависимости от крымских ханов. Причем англичанин отмечал, что об этом обряде ему рассказали сами русские. Так, каждый год русский царь в Московском Кремле кормил овсом из своей шапки лошадь, на которой восседал крымский хан. Этот обряд якобы совершали все русские государи до Василия III, одержавшего победу над Крымом, и с тех пор обряд был заменен на дань мехами, от которой отказался уже Иван Грозный [5, с. 552]. О вассальной зависимости московских государей от крымских ханов писал и Маржарет. Как знак выражения этой зависимости он упоминал некий жезл, полученный русскими государями от крымского хана, и якобы именно им Иван Грозный убил своего сына [2, с. 123].

Образ жизни крымских татар вызывал большой интерес в Европе. Иностранцы считали крымцев самыми могущественными и многочисленными среди других татар. По их свидетельствам, крымские татары во всем старались придерживаться турецких обычаев. Кроме того, турецкие султаны назначали крымских ханов из татарских мурз и за это они отдавали султанам десятую часть своей добычи.

При вступлении в брак татары, по словам иностранцев, не придерживались запрета на кровосмешение, кроме запрета женитьбы на матери, сестре или дочери. Женщина признавалась женой только после того, как рожала мужчине детей. Приданное состояло из лошадей, овец и коров. Если же женщина оказывалась бесплодной, то её отправляли обратно родителям.

Питались крымцы в основном кониной, которую ели без хлеба и других гарниров. Флетчер был свидетелем того, как во время визита в Москву в 1589 г. Шакай Мубарак Гирея с тремястами татар и двумя женами, одна из которых была вдовой его брата, ему, помимо прочего угощения, на дом были отправлены две очень большие и жирные лошадиные туши [5, с. 556]. Кониному татары предпочитали любому другому мясу, считая её самой питательной. Каждый год они приводили в Москву для обмена 30–40 тыс. лошадей. Разводили также татары коров и овец, но большей частью ради шкур и молока, хотя изредка питались и ими. Употребляли в пищу татары также рис, виноград, и теплую кровь, смешанную с молоком. Во время

походов, по сообщению Флетчера, они надрезали у лошадей вену и пили теплую кровь [5, с. 556].

Несмотря на приверженность исламу, иностранцы писали, что татары имели неких идолов, сделанных из шелка или другой ткани, напоминающих собой человека, которых привязывали к дверям жилищ в качестве оберегов. Изготовлением этих оберегов занимались исключительно женщины, специализировавшиеся на производстве культовых предметов. Также упоминали они огромное изображение Великого Хана, которое татары выставляли в походах на каждой стоянке. По сообщениям иностранцев, верили татары в волшебство и всякие знамения [5, с. 555].

В то же время иностранцы описывали упорство, с которым взятые в плен татары отказываются принимать христианство. Они объясняли это врожденной ненавистью татар к русским, которых они считали лукавыми и несправедливыми. Так, Флетчер сообщал, что когда в 1572 г. был взят в плен Дивей-Мурза и ещё 300 татар, им пообещали сохранить жизнь при условии перехода в православие. Однако они отказались, за что все были утоплены [5, с. 581].

Иностранцы писали, что в Крымском ханстве не было денежного обращения. Главным же занятием крымских татар были постоянные набеги на соседей. Когда-то в древности в их страну вторгались персидские цари Кир и Дарий (причем с восточной и юго-восточной стороны), потом потерпел поражение и чуть не попал к ним в плен сам великий Тамерлан. Никто из завоевателей не имел успеха, так как татары заманивали неприятеля вглубь страны и когда в войске противника наступал недостаток в припасах, преграждали ему все пути к отступлению и уничтожали. Перенесение сюжета о войне скифов с персами на крымско-татарскую почву неудивительно, так как иностранцы считали крымских татар автохтонным населением южнорусских степей. Они ссылались на то, что ещё древние греки и римляне называли их скифами-номадами, или скифами-пастухами. Кроме того, Флетчер приводил ряд доказательств того, что от крымских татар вели своё происхождение турки, пермяки и самоеды.

Оставили иностранцы и описание внешнего вида крымских татар. Согласно им, лица у крымцев были широкие и плоские, желтые и смуглые от загара, взгляд же был свирепый и страшный. Усы и борода были очень редкие, стан легкий и стройный, ноги короткие, что выработалось от постоянной верховой езды, так как пешком они ходили редко. Говорили татары быстро и громко, как бы из живота. Пение их напоминало иностранцам рев коровы или вой большой собаки.

Кроме крымцев к татарам иностранцы причисляли ногайцев, черемисов, мордву, черкесов и шелкалов, которые отличались между собой только названием. Из всех татар иностранцы лучшими воинами считали ногайцев, ещё более диких и свирепых и живущих к востоку от Крыма [5, с. 559].

Следует сказать, что, по свидетельствам иностранцев, крымские татары не знали совершенно никакого образования. Письменных законов у них не было, а руководствовались они обычным правом, общим для всех их орд. Право это предписывало им следующее: повиноваться во всем хану и властям, быть свободными и никому не обязанными, за исключением общего дела, не иметь в частной собственности земли, так как вся страна их являлась достоянием всего

народа, довольствоваться малым в пище, носить простую одежду, брать и красть у чужеземцев всё, что можно взять, быть верным в слове и деле по отношению к своим, не пускать иностранцев в свое государство, за исключением лиц, имеющих при себе татарский ярлык [5, с. 561].

Такой образ Крымского ханства и его населения формировался в общественном сознании европейцев в эпоху раннего Нового времени благодаря произведениям иностранных путешественников, послов и авантюристов, побывавших в Московском государстве в к. XVI – н. XVII вв. Их записки, адресованные европейскому читателю, учитывали его запросы и вкусы, поэтому являются весьма субъективным историческим источником. Тем не менее изучение этого образа, сопоставление его с оценками, содержащимися в других источниках, представляется дальнейшей перспективной проблемой.

Список использованных источников и литературы

1. Ключевский В. О. Сказания иностранцев о Московском государстве. – М.: Прометей, 1991. – 334 с.
Klyuchevskii V. O. Skazaniya inostrantsev o Moskovskom gosudarstve. – М.: Prometei, 1991. – 334 s.
2. Маржарет Ж. Состояние Российской империи. Ж. Маржарет в документах и исследованиях: тексты, комментарии, статьи. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 552 с.
Marzharet Zh. Sostoyaniye Rossiiskoi imperii. Zh. Marzharet v dokumentakh i issledovaniyakh: teksty, kommentarii, stat'i. – М.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2007. – 552 s.
3. Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII века. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Massa/frametext1.htm>. (Дата обращения: 10.12.2015).
Massa I. Kratkoe izvestie o Moskovii v nachale XVII veka. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Massa/frametext1.htm>. (Data obrashcheniya: 10.12.2015).
4. Пенской В. В. Военный потенциал Крымского ханства в конце XV – начале XVII в. // Восток. 2010. № 2. С. 56–66.
Penskoï V. V. Voennyi potentsial Krymskogo khanstva v kontse XV – nachale XVII v. // Vostok. 2010. № 2. S. 56–66.
5. Флетчер Д. О государстве Русском // Накануне Смуты. – М.: Мол. гвардия, 1990. – 621, [3] с.
Fletcher D. O gosudarstve Russkom // Nakanune Smuty. – М.: Mol. gvardiya, 1990. – 621, [3] s.

Shalak M. E. The Crimean Khanate and its people through the eyes of foreigners visiting Muscovy in the late XVIth and early XVIIth centuries.

The article analyses the journalistic sources of foreign origin, containing information about the Crimean Khanate and its population. It works by Western European diplomats, travelers, adventurers, visited Moscow in the run-up to or during the Troubles of the beginning of the XVIIth century. Image of the Crimean Tatars, which order based on their judgments and assessments sometimes had nothing to do with the real state of the nation. However, on the basis of this image evolved a general idea of the Crimean Khanate and its population in European public consciousness of the early modern times. Therefore, the study of this image, matching it with similar information from other synchronous sources seems quite promising issue.

Keywords: The Crimean Khanate, Western European publicists, time of Troubles, narrative sources.